

Сяо Лань спала беспокойно — всё же впервые пришлось укладывать ребёнка. Она боялась придавить девочку во сне, переживала, что та скинет одеяло. По-настоящему удалось забыться лишь под утро, и если бы не Моли, принеся горячую воду, да не ощущение того, что Синь'эр в её объятиях уже не лежит спокойно, она бы проспала ещё дольше.

Сяо Лань с нежностью смотрела на Синь'эр, а та, в свою очередь, уставилась на неё своими круглыми глазками.

— Синь'эр проснулась так рано.

— Ты спала, а глаза всё равно двигались, — Синь'эр, увидев, что Сяо Лань открыла глаза, расплылась в счастливой улыбке.

Моли принесла одежду, помогла Сяо Лань одеться, а затем принялась за Синь'эр.

— Ну и Хайтан, надо же, так долго провозилась с завтраком. Знала бы — сама пошла.

Сяо Лань знала нрав Моли, поэтому промолчала. После умывания пришлось подождать ещё какое-то время, прежде чем в дверях показалась Хайтан с надутыми губами и подносом в руках. Она выставила на стол две миски жидкой рисовой каши и две тарелочки с соленьями — больше ничего не было.

Синь'эр забралась на стул и, вытянув свои маленькие ручки, пододвинула одну миску Сяо Лань, а вторую придвинула себе. Она принялась за еду, словно привыкла к такому с самого рождения.

Сяо Лань не притронулась к еде, вопросительно посмотрев на Хайтан.

— Госпожа, я не забыла о вашем наказе, — оправдывалась та.

— Даже два яйца и несколько пампушек не удалось выпросить? — Сяо Лань всё поняла.

— Не то что не удалось, меня ещё и старая кухарка отчитала. Она сказала, что вы... вы... — Хайтан мялась, не решаясь произнести вслух.

— Что она сказала? — Моли забеспокоилась. — Неужели сказала, что госпожа слаба здоровьем и ей нельзя есть?

— Она сказала, что госпожа всё равно скоро отправится на тот свет, так что переводить на неё яйца — просто пустая трата! — выпалила наконец Хайтан. Она опустила голову, нахмурившись от досады, и подумала о том, какая же у неё горькая судьба — терпеть такие унижения вслед за хозяйкой.

Раздался звонкий стук — ложка выпала из рук Синь'эр. Её огромные красные глаза, полные ужаса, уставились на Сяо Лань, ротик беззвучно открывался, и казалось, вот-вот разразится громкий плач.

Даже если Сяо Лань и была готова к тому, что в этом месте ей придётся несладко, выслушивать такие проклятия с самого утра было невыносимо. А увидев, как сильно испугалась Синь'эр, она поняла: если она промолчит, то зря вообще перенеслась в этот мир.

Она похлопала Синь'эр по маленькой ручке и, сжав кулак, показала девочке.

— Синь'эр, не бойся. Смотри, с тех пор как ты рядом, мой кулак стал ещё сильнее, правда?

Синь'эр обхватила этот кулак двумя руками, не сводя глаз с Сяо Лань. Слёзы крупными каплями катились по её щекам, но она кивнула.

Хайтан, увидев, до какого состояния довела девочку своими словами, почувствовала вину. К этому добавилась накопившаяся обида, и она окончательно сломалась, зарыдав вместе с Синь'эр.

— Да эта старая карга, кем она себя возомнила! — возмутилась Моли.

В комнате поднялся шум. Снаружи стояла пасмурная погода, небо никак не могло решиться на дождь, и от духоты становилось только тяжелее.

— А где матушка Сюй? — Сяо Лань перевела тему, и все тут же задумались. Действительно, с самого утра матушку Сюй никто не видел.

— Госпожа! — слышался голос матушки Сюй за дверью.

Сяо Лань приложила руку ко лбу, глядя на вошедшую женщину и тех, кто следовал за ней.

— Госпожа, наложница Фан пришла засвидетельствовать вам своё почтение.

Выражение лица матушки Сюй было трудно разобрать, а вот следовавшая за ней Фан Цинцин улыбалась, считая себя крайне благовоспитанной.

В комнате всё ещё не утих плач, и Сяо Лань не хотела бросать дочь. Она взяла в ладони маленькое, покрасневшее от слёз личико Синь'эр и произнесла мягким, но твёрдым голосом:

— Синь'эр, мама не умрёт. Я никогда тебя не брошу. Поэтому верь мне. Ради тебя я

обязательно буду жить. Запомнила?

Синь'эр, чьи пухлые щёчки оказались сжаты ладонями Сяо Лань, неуверенно кивнула.

— Всё, барышня, давай поедим, пока каша не остыла, — Моли взяла новую ложку и принялась кормить девочку.

Хайтан, увидев, что Фан Цинцин пришла вместе с матушкой Сюй, поспешно вытерла слёзы и принялась собирать осколки ложки.

Матушка Сюй ещё издали почувствовала неладное, поэтому попросила Фан Цинцин подождать во дворе, не приглашая её в дом. Сяо Лань была признательна матушке Сюй за прозорливость.

На каменном столе во дворе стоял чайник и две чашки, наполненные наполовину бледно-жёлтым чаем. Сяо Лань и Фан Цинцин сели друг напротив друга, какое-то время молча.

— Тебе стало лучше? — первой нарушила тишину Сяо Лань.

Раньше наложница Фан была безумна, и воспоминания Фан Цинцин были обрывочными, поэтому правила этикета она помнила смутно. Войдя, она лишь слегка поклонилась, а теперь, сомневаясь, не упустила ли чего, молчала.

Услышав плач в комнате, она поняла, что обитателям этого двора живётся несладко. Она боялась нарушить правила и снова чем-то прогневать госпожу, поэтому медлила. К счастью, Сяо Лань не выглядела рассерженной, по крайней мере, внешне.

— Стало лучше. Всё благодаря матушке Сюй, которая вчера навестила меня и дала наставления, — Фан Цинцин встала и снова поклонилась. — Благодарю вас, госпожа, за спасение.

Сяо Лань кивнула. Она понимала, что матушка Сюй, должно быть, прониклась жалостью, иначе не пошла бы к ней снова сегодня утром. Сяо Лань почувствовала к матушке Сюй ещё больше симпатии, и её прежнее желание отправить ту обратно в усадьбу Сяо из-за излишней консервативности немного угасло.

— Не стоит благодарности, всем нам сейчас нелегко, — Сяо Лань допила остывший чай и тяжело вздохнула: негодование в душе требовало выхода.

Словно что-то вспомнив, она спросила:

— А что ты ела сегодня утром?

— Э-э... — Фан Цинцин показался вопрос странным. Она украдкой взглянула в сторону комнаты, где на столе всё ещё стояли недоеденные миски, и поняла, о чём речь. — Рисовую кашу с овощами.

— Из остатков вчерашней еды, — добавила матушка Сюй, подливая Сяо Лань чаю.

— Ха, выходит, даже хуже, чем у меня, — усмехнулась Сяо Лань. — Те две девицы всё ещё при деле?

Фан Цинцин посмотрела на матушку Сюй и промолчала, не зная, что ответить.

— И не говорите! Вчера вечером их забрал управляющий Ван, а сегодня утром отправил по дворам выносить ночные горшки. Когда я их видела, та, что по имени Сяо Цин, глаза себе выплакала, — матушка Сюй была возмущена. Вспомнив взгляд Сяо Цин, она почувствовала неловкость: ведь это не она заставила их этим заниматься.

Фан Цинцин посмотрела на матушку Сюй — действительно, лучше ей самой промолчать.

— Управляющий Ван... — пробормотала Сяо Лань и потянулась к карману, но тут же вспомнила, где находится, и о том, что табака здесь быть не может.

Она снова тяжело вздохнула. Матушка Сюй нахмурилась, а Фан Цинцин решила, что пора предложить свою помощь.

— Госпожа, могу ли я чем-то вам помочь? — Фан Цинцин чувствовала себя сотрудником, который видит начальника в печали и должен проявить инициативу.

Эту маленькую хитрость она почерпнула у того женатого мужчины, который когда-то пытался казаться перед ней зрелым и рассудительным. Вспомнив его тогдашний вид, Фан Цинцин передёрнуло от отвращения. Как она могла считать его красивым!?

Сяо Лань не знала её мыслей, а лишь ошеломлённо посмотрела на неё. Чем эта женщина, несколько лет бывшая безумной и напоминавшая зомби, может ей помочь?

Из чистого любопытства она спросила:

— И чем же, по-твоему, ты можешь мне помочь?

Фан Цинцин тоже остолбенела, вспомнив вопрос кадровика на собеседовании: что вы можете сделать для компании?

Тогда она ответила, что выполнит все поручения руководства, выкладываясь на сто пятьдесят процентов, будет развиваться вместе с компанией и вносить конструктивные предложения. Даже если их не примут, она не перестанет думать, ведь это лишь значит, что её идеи пока не соответствуют стандартам компании.

Она несла полную чушь, но собеседование прошла. Однако сейчас она понимала, что такой ответ не подойдёт. Если только не хочет вернуться в заточение.

— Не знаю, — ответила она честно.

В её нынешнем положении было трудно сказать, что она может сделать.

Сяо Лань опустила глаза и слегка улыбнулась. Ей стало так смешно, что она не удержалась — смех становился всё громче, рука с чашкой задрожала, и пришлось поставить её на стол.

Фан Цинцин стало не по себе, она не смела смотреть на госпожу, лишь изредка поглядывая на неё и теребя рукав.

— Ох! Ты всё же помогла мне — настроение стало лучше, — Сяо Лань вытерла слёзы и снова оглядела Фан Цинцин. Та сегодня тщательно причесалась, и хотя румян не было, лицо выглядело по-человечески, а одежда, которую, вероятно, принесла матушка Сюй, хоть и была великовата, выглядела чистой.

Сяо Лань смотрела на профиль Фан Цинцин. Вчера, с растрёпанными волосами и синяками, она этого не заметила, а сегодня поняла: эта наложница Фан очень похожа на девушку, которую она видела в отеле. Та так же тревожно сжимала одеяло и не смела на неё смотреть.

— Ты пришла только поблагодарить? Раз поблагодарила, возвращайся к себе, — Сяо Лань не стала углубляться в свои странные мысли.

— Н-нет, не только, — Фан Цинцин, увидев, что её хотят выпроводить, поспешно замахала руками. Вспомнив о своём вчерашнем решении, она набралась смелости: — Я пришла просить у вас защиты. Если бы вы вчера меня не спасли, я бы умерла. Я не хочу умирать. Я хочу быть полезной вам, хочу во всём следовать за вами.

— О? Во всём следовать за мной? — Сяо Лань снова захотелось рассмеяться: эта наложница Фан оказалась весьма забавной.

Матушка Сюй тихо кашлянула, и Сяо Лань поняла её намёк.

— Ты сама видишь, в каком я положении. У меня даже на двух служанок сил не хватает.

— Я не смею ни на что претендовать, лишь прошу позволения остаться рядом, чтобы выжить,
— Фан Цинцин опустила глаза, на её лице отразилась скорбь. — Иначе... боюсь, в клане Сунь мне не выжить...

— Только ради того, чтобы выжить? — Сяо Лань перевела взгляд на матушку Сюй и попросила её купить чего-нибудь поесть — с самого утра во рту не было ни крошки, и это доставляло дискомфорт.

Увидев, что матушка Сюй удалилась, Фан Цинцин решила, что Сяо Лань хочет поговорить по душам, и поймала её взгляд.

— Да, только ради того, чтобы выжить, — твёрдо произнесла она.

— Вчера к тому пруду меня кто-то заманил, но тогда я была не в себе и не помню, кто это был, — это был фрагмент, который Фан Цинцин вспомнила вчера, но кто именно это сделал, она пока не знала. — Я выживала лишь на обедах клана Сунь, и даже этого они не могут мне простить. Раньше я была безумна и не ценила жизнь, но теперь, когда я в здравом уме, я точно знаю, что не хочу умирать.

Сяо Лань кивнула, но ничего не сказала. Раз кто-то хочет ей навредить, а причины пока не ясны, она не может ничего гарантировать.

Фан Цинцин, видя, что Сяо Лань молчит, не решилась продолжать.

Они обе погрузились в тишину.

— Я обещаю помочь тебе, насколько хватит моих сил. Но тот, кто хотел тебя погубить, увидев, что ты не только жива, но и пришла ко мне, скорее всего, предпримет новые шаги, — Сяо Лань поправила воротник платья Фан Цинцин, прикрыв выглядывающую нижнюю рубашку. — В нынешней ситуации я не могу подставлять себя под удар, мне придётся наблюдать со стороны. Поэтому тебе нужно самой быть осторожнее, чтобы выжить.

<http://bllate.org/book/21470/2196834>